Поэма Альфреда Теннисона «Улисс» в творческой интерпретации К. Д. Бальмонта

В. К. ЧЕРНИН

(УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ),

Д. Н. ЖАТКИН

(ПЕНЗЕНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ)*

В статье впервые осуществлен сопоставительный анализ поэмы Альфреда Теннисона «Улисс» (1833) и ее русского перевода, выполненного К. Д. Бальмонтом (1908). Отмечается стремление переводчика максимально сохранить атмосферу теннисоновской поэмы, передать все ее особенности.

Ключевые слова: Теннисон, Бальмонт, русско-английские литературные связи, английский романтизм, поэзия, художественный перевод, реминисценция, традиция.

Alfred Tennyson's Poem «Ulysses» in the Creative Interpretation of K. D. Balmont

V. K. CHERNIN

(ULYANOVSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY),

D. N. ZHATKIN

(PENZA STATE TECHNOLOGICAL ACADEMY)

For the first time ever the article presents a comparative analysis of Alfred Tennyson's poem «Ulysses» (1833) and its Russian translation made by K. D. Balmont in 1908. The authors note the translator's desire to preserve fully the atmosphere of Tennyson's poem and to transfer all its features.

Keywords: Tennyson, Balmont, Russian-English literary relations, English Romanticism, poetry, literary translation, reminiscence, tradition.

В числе российских почитателей А. Теннисона, сыгравших особую роль в популяризации его творческого наследия в России, нельзя не упомянуть К. Д. Бальмонта, ценившего английского предшественника за мелодический голос, способность посредством «колдовского стиха» угадывать «не подзревавшиеся раньше гармонические сочетания ворожащих слов», достигать «прозрачности выражаемого в напеве чувства», приводящей к тому, что ощущения воспринимающего опрокидываются в «идеально-духовную» зеркальность, переходят в иной план бытия, «в область овоздушенную, где по голубому полю неба и по хрустально-прозрачному откоосу воздуха ходят, по-на-

шему страстные, но не по-нашему легкие духи» (Бальмонт, 1990: 535). К числу наиболее ярких и выразительных произведений Теннисона Бальмонт относил небольшие поэмы «Плавание Мальдуна», «Лотофаги» и «Леди из Шалотта», с особенной силой отразившие предельную усталость души, стремящейся к единению с возвышенным в окружающем мире, но не всегда встречающей вокруг сочувствие и понимание, обреченной на вечное одиночество. В своих переводах, известных под названиями «Странствия Мальдуна», «Вкушающие лотос» и «Волшебница Шалот», русский поэт стремился максимально сохранить атмосферу теннисоновских поэм, передать не только сюжетную канву, но и все

* Чернин Владимир Константинович — кандидат педагогических наук, доцент кафедры методики начального образования Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова. Тел.: +7 (8422) 43-59-75. Эл. адрес: ivb40@yandex.ru

Жаткин Дмитрий Николаевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии, академик Международной академии наук педагогического образования. Тел.: +7 (8412) 49-57-94. Эл. адрес: ivb40@yandex.ru

многообразии используемых художественных деталей, вариации чувств, перепады настроения.

Восприняв творческий замысел английского поэта, осознав единство темы безысходности души человека в его поэмах «Плавание Мальдуна», «Лотофаги» и «Леди из Шалотта», Бальмонт сумел последовательно и точно выразить мысль о романтическом бегстве от суровой реальности к идеалам прекрасного. Интерпретации мистически-ужасающего стихотворения «Кракен» и меланхоличной песни «Слезы, бесполезные слезы...» дополнили общую картину, отразив как многообразие граней творчества Теннисона, так и художественные предпочтения русского переводчика.

Своеобразный итог своей работы по переводу произведений Теннисона Бальмонт подвел в написанной в 1908 г. статье «Завет воли», в которую вошел перевод поэмы «Улисс» («Ulysses», 1833, опубл. в 1842 г.) — одного из самых известных произведений Теннисона, непосредственным источником для которого стал фрагмент из «Божественной комедии» Данте (Ад, Песнь XXVI, ст. 90–142), посвященный оказавшемуся в восьмом кругу Ада в качестве лукавого советчика легендарному царю Итаки Улиссе (Одиссею), мужу Пенелопы, отцу Телемаха, принимавшему участие в Троянской войне, а затем проведенному двадцать лет в странствиях: «Ни нежность к сыну, ни перед отцом / Священный страх, ни долг любви спокойный / Близ Пенелопы с радостным челом / Не возмogli смирить мой голод знойный / Изведать мира дальний кругозор / И все, чем дурны люди и достойны. / И я в морской отважился простор» (стихи 94–100, пер. М. А. Лозинского) (Данте, 1997: 138). Теннисоновское произведение выражает, словами Бальмонта, «действенное очарование волевого начала творческой души» (Бальмонт, 1990: 538), характеризуя Улисса как неутомимого мореходца, истинного сына своего народа, покорившего моря, осуществившего в жизнь великие цели. Предваряя в тексте статьи «Завет воли» публикацию своего пе-

ревода «Улисса», Бальмонт приводил рассказ о присуждении Теннисону звания поэта-лауреата: к важному лицу, от которого зависел окончательный выбор, пришел почитатель Теннисона и заинтересовался отношением к своему любимому поэту; получив неопределенный ответ, гость предложил собеседнику прочесть поэму «Улисс», знакомство с которой, вызвав сильное впечатление, развеяло все сомнения относительно потенциального лауреатства (см.: Бальмонт, 1990: 538). Очевидно, эта далекая от правдоподобия история, соотносимая с литературным анекдотом, выступала в сознании русского поэта своеобразным обоснованием причин его обращения к «Улиссе». Стихотворение Теннисона включало в себя пять частей, состоявших из 5, 13, 14, 11 и 27 стихов соответственно; Бальмонт при переводе изменил форму произведения, поделив его на две части (первая часть соответствовала 1–4 частям английского оригинала) и увеличив каждую из частей на семь стихов — до 50 и 34 стихов соответственно.

Движущей силой всех действий Улисса в произведении Теннисона становилось осознание героем бесполезности своего беспечного царствования, приведившее к мысли о необходимости изменений в жизни: «It little profits that an idle king, / By this still hearth, among these barren crags, / Match'd with an aged wife, I mete and dole / Unequal laws unto a savage race» (Tennyson, 2007: 66) [Мало приносит пользы то, что праздный король / У этого спокойного очага, среди этих бесплодных утесов, / На пару с пожилой женой, я распределяю и издаю с неохотой / Несответствующие законы для дикого рода]¹. Воссоздавая образ царя Итаки, Бальмонт близко к оригиналу переводил оценочное прилагательное «idle», имеющее значения «ленивый, бесполезный, недействующий, праздный», однако пропускал определение очага как спокойного, тихого («still»), полностью утрачивая при этом общее впечатление умиротворенности жизни: «Немного пользы в том, что, царь досужий, / У очага, среди бесплодных скал, / Я раздаю, близ вя-

нущей супруги, / Неполные законы этим диким» (Бальмонт, 1990: 539). Обращает на себя внимание использование Бальмонтом при описании супруги Улисса экспрессивной лексемы «вянущая» вместо нейтрального прилагательного «aged» («пожилая, старая, в возрасте»), что было призвано подчеркнуть потерю у царя интереса к своей жене. Перевод синтагмы «unequal laws» («несоответствующие законы») как «неполные законы» не совсем удачен, поскольку лексема «unequal» («несоответствующий, неправильный, неравноценный») была избрана Теннисоном, чтобы показать не безграмотность самого правителя, а скорее непонимание политических условностей людьми, которые продолжают жить так, как они привыкли, не внемля навязываемым им сверху указам. Теннисон характеризует народ Итаки как «savage race» («дикий род»); Бальмонт ограничивается субстантивацией прилагательного «дикие», не называя островных жителей ни народом, ни людьми, ни даже родом.

При характеристике наслаждений и страданий своего героя Теннисон только упоминает о его внутреннем одиночестве, используя лексему «alone» («один»); Бальмонт при переводе, напротив, расширяет описание — «сам с собой, один». Образ бурного моря оказывается у Теннисона созвучным пришедшим из античной мифологии образам Гиад — семи дочерей Атланта и океаниды Эфры, взятых Зевсом на небо и превращенных в семь звезд, образующих «рога» в созвездии Тельца: «...and when / Thro' scudding drifts the rainy Hyades / Vext the dim sea...» (Tennyson, 2007: 66) [...и когда / Сквозь мчащие облака потоки дождливые Гиады / Волновали туманное море...] Восхождение Гиад открывало дождливое время года, на что обратил внимание еще Вергилий, употребивший в «Энеиде» оборот «pluviasque Hyadas» («влажных созвездье Гиад»); о том же пишет и Теннисон, используя синтагму «rainy Hyades» («дождливые Гиады»), дословно переведенную Бальмонтом, который, однако, был не совсем точен, опустив определение моря «dim» («мрачный, тусклый, туманный, неяс-

ный») и перенеся эту характеристику на облака: «Или когда дождливые Гиады / Сквозь дымный ток ветров терзали море» (Бальмонт, 1990: 539).

При переводе лексемы «dull» («глупый, тусклый, скучный») в стихе «How dull it is to pause, to make an end» (Tennyson, 2007: 66) [Как глупо остановиться, завершить] Бальмонт не смог остановить свой выбор на одном из значений и пошел по пути создания окказионального наречия «тупо-тускло»: «Как тупо-тускло медить, знать конец» (Бальмонт, 1990: 539). Удачно уловив теннисоновское сравнение жизни воина со службой оружия («To rust unburnish'd, not to shine in use!» (Tennyson, 2007: 68) [Ржаветь неполированным, не сверкать в использовании!] — «В закале ржаветь, не сверкать в свершеньи» (Бальмонт, 1990: 539), Бальмонт, однако, не может до конца удержаться в заданной тональности и, стремясь быть максимально точным, доходит в своем переводе до буквализма, препятствующего не только восприятию замысла английского поэта, но и вообще пониманию смысла сказанного: «...and vile it were / For some three suns to store and hoard myself» (Tennyson, 2007: 68) [...и мерзко было бы, / Ради каких-то трех дней (лет), накапливать и копить себя] — «Копить еще какие-то три солнца / Презренно, — в кладовой хранить себя» (Бальмонт, 1990: 539). Переводчик не учел, что в английском поэтическом языке «sun» переводится не как «солнце», а как «день, год» и, следовательно, Теннисон имел в виду оберегание себя не ради трех дней, а скорее трех лет жизни.

Если в характеристике Телемаха Теннисон акцентировал внимание на его пронизательности, благоразумии, способности неспешными, но продуманными действиями подчинять себе людей, смягчать их нравы, менять в лучшую сторону представления о жизни («...discerning to fulfil / This labour, by slow prudence to make mild / A rugged people, and thro' soft degrees / Subdue them to the useful and the good» (Tennyson, 2007: 68) [...проницательный, чтобы выполнить / Этот

труд, медленным благоразумием сделать мягкими / Жестких людей, постепенно / Подчинить их в полезных и хороших], то у Бальмонта указаны другие положительные качества героя, такие как способность «к различенью», «неторопливая мудрость» («...способный к различенью, Неторопливой мудростью сумеет / В народе угловатости сровнять / И привести к благу ровным всходом» (Бальмонт, 1990: 540).

При описании матросов Теннисон отмечает не только отдельные внешние черты, но и значимую деталь, свидетельствующую об их внутреннем мире, — «free hearts» («вольные сердца»): «...and opposed / Free hearts, free foreheads...» (Tennyson, 2007: 68) [...и противопоставляли / Вольные сердца, вольное чело...]; Бальмонт, напротив, опускает упоминание о «вольных сердцах», предлагая лишь краткое наблюдение внешнего плана: «...противопоставить / Всему умея вольное лицо...» (Бальмонт, 1990: 540). Сомнения моряков относительно исхода путешествия усилены Теннисоном при помощи повторяющегося «it may be» («может быть»), которое, хотя и с изменением порядка слов, сохранено и в переводе Бальмонта: «It may be that the gulfs will wash us down; / It may be we shall touch the Happy Isles» (Tennyson, 2007: 70) [Может быть, течения поглотят нас, / Может быть, мы достигнем Счастливых Островов] — «Быть может, пропасть моря нас поглотит, / Быть может, к Островам дойдем Счастливым» (Бальмонт, 1990: 540). Интерпретация Бальмонтом стиха «Tho' much is taken, much abides...» (Tennyson, 2007: 70) [Хотя многое взято, многое ждет] как «...Многих нет, / Но многие донине пребывают» (Бальмонт, 1990: 540) не соответствует оригиналу, поскольку переводчик продолжает говорить о друзьях, товарищах, которые погибли подобно Ахиллу, упомянутому в стихе выше («And see the great Achilles, whom we knew» (Tennyson 2007: 70) [И увидим великого Ахилла, которого мы знали] — «Увидим там великого Ахилла, / Которого мы знали...» (Бальмонт, 1990: 540), тогда как

английский поэт возвращается к развитию идеи продолжения странствий.

Заключительный стих «Улисса» «To strive, to seek, to find, and not to yield» (Tennyson, 2007: 70) [Бороться, искать, найти и не сдаваться] был переведен Бальмонтом близко к оригиналу, но все же не дословно: «Искать, найти, дерзать, не уступать» (Бальмонт, 1990: 540). Став символом верности своим целям и принципам, теннисоновская фраза была вырезана на надгробном кресте, установленном в январе 1913 г. на вершине Обсервер Хилл в Антарктиде в память об английском полярном путешественнике Роберте Скотте, стремившемся первым достичь Южного полюса, но пришедшем к нему вторым, через три дня после норвежца Руальда Амудсена, и умершем на обратном пути.

В русском языке теннисоновская фраза «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» стала крылатой после выхода романа В. А. Каверина «Два капитана», главный герой которого Саня Григорьев, мечтавший о полярных путешествиях, сделал ее девизом своей жизни. Так дерзновенная мысль Теннисона благодаря знаменитому каверинскому роману получила в России второе рождение, прочно вошла в сознание миллионов людей, веривших в свои силы и в то счастливое завтра, которое можно приблизить своими смелыми, дерзкими делами.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее дословные переводы фрагментов из поэмы А. Теннисона «Улисс», приводимые в квадратных скобках, сделаны авторами данной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бальмонт, К. Д. (1990) Избранное : Стихотворения. Переводы. Статьи / сост., вступ. ст. и коммент. Д. Г. Макогоненко. М. : Правда.
- Данте, А. (1997) Божественная комедия / пер. М. А. Лозинского. М. : Азимут.
- Tennyson, A. (2007) The Lady of Shalott and Other Poems / Теннисон, А. Волшебница Шалотт и другие стихотворения. М. : Радуга.